

1. Зеленый демон

Состав и пропорции:

*дынный ликер «Мидори».....30 мл;
водка.....30 мл;
светлый ром.....30 мл;
лимонад (по вкусу); лайм; лед.*

В высокий бокал «коллинз» положить лед, налить по очереди водку, ром и ликер, долить лимонадом по вкусу. Перемешать барной ложкой, подавать, украсив ломтиком лайма.

Я

Я стою на границе, даже на нескольких сразу — между светом и тенью, между травой и асфальтом, между осенью и зимой. Последнее, впрочем, случается с каждым в ночь с тридцатого ноября на первое декабря. Да и все остальное при желании совсем несложно устроить. Достаточно прийти на набережную реки Вильняле, где горят неяркие фонари, расположенные так удачно, что освещают только новенькие пешеходные и велосипедные дорожки, а собственно берег, засаженный аккуратно подстриженными кустами и заросший до сих пор не увядшей с лета буйной травой, утопает во тьме, как на самом деле и положено речным берегам.

Я стою на границе между влажным зимним туманом, поднявшимся от реки, и веселым дымом ярмарочных костров, которые сейчас догорают на изнанке нашей реальности. На границе между темным пасмурным не-

бом и невидимым, но почти мучительно ярким сиянием, заливающим горизонт. На границе между невыносимой правдой о мире и утешительной ложью о нем, между обжитым человеческим городом и причудливым зыбким пространством, в которое мы ежедневно его превращаем, всякий раз начиная заново, не с нуля, но почти с него. На границе между «есть» и «мерещится», между существующим и невозможным; впрочем, последнее не требует каких-то специальных усилий, эта граница через меня проходит. В каком-то смысле, я сам — она.

Я пока не знаю, на кой черт сюда забрел; вероятно, так зачем-нибудь было надо. «Так зачем-нибудь было надо» — универсальный ответ на любой мой вопрос. Но совершенно точно не ради собственного удовольствия. Не то у меня сейчас настроение, чтобы в романтическом одиночестве гулять по речным берегам. Мне бы чего попроще, вроде полулитровой кружки глинтвейна и возможности устроить очередной незатейливый балаган с фейерверками, причем желательно в сухом, хорошо протопленном помещении. Мое текущее агрегатное состояние не позволяет искренне наслаждаться пребыванием на границе между холодной ветреной осенью и сырой туманной зимой. Я пляшу и пылаю, как костер на ветру, я сейчас сам и ветер, и пламя, но при этом у меня явственно, совершенно по-человечески мерзнут щеки и нос. И это, конечно, тоже граница — даже не то чтобы между каким-то там «прошлым» и «нынешним» мной, а между одновременными, одинаково убедительными проявлениями настоящего, ликующим чистым духом и продрогшим живым дураком в легкой, не по сезону одежде и в раздерганном настроении, которого невесть зачем среди ночи сюда принесло. Правда обо мне — не что-то одно, а все сразу. Я и есть — сразу все.

Я стою на границе между собственной слабостью и своей же, а не чьей-то чужой, неизвестно откуда взявшейся силой; слабость, будем честны, довольно условная,

просто дань старой привычке знать, что я, по идее, слаб, зато силы так много, что в меня она не вмещается, практически разрывает на части, и это хороший баланс. В такие моменты приходится делать внутреннее усилие, чтобы его удержать, не рухнуть в человеческую беспомощность, но и не взлететь с торжествующим хохотом в первые попавшиеся сияющие небеса. Не исчезнуть, как положено здесь исчезать всему невозможному, но и ничем мало-мальски возможным, упаси боже, не стать. Длиться, тянуться, быть, балансировать между светом, который льется из моих глаз, и тенью, которую я сам же отбрасываю. Я сейчас — чудо, а обязанность чуда — сбываться, постоянно, всякий раз заново, снова и снова, как выражается один из сотрудников Стефана, временно плененный нашей жадной реальностью демон какой-то невшибенно повышенной сложности, «вечно-всегда».

Эдо

Проснулся, как от удара; на самом деле, не «как», а действительно стукнулся локтем, причем довольно чувствительно — об подлокотник кресла, в котором, собственно, и задремал. Сидя. Ну чего, молодец.

Оно, в общем, понятно: прошлой ночью спал всего четыре часа и позапрошлой не то чтобы сильно больше, и поза-поза; в последний раз по-человечески выпался в выходные, то есть, получается, уже неделю назад. Потому что жизнь прекрасна и удивительна; «удивительна» в данном случае, будем честны, эвфемизм. И при этом под завязку забита работой и делами, и не делами, и... елки, да много чем.

После такой развеселой недели уснуть, сидя в кресле, с умным видом, носом в конспекты — просто нор-

мально. Живой же я все-таки человек, — думал Эдо, пока шел умываться. Собирался раздеться и лечь досыпать, благо дело уже к полуночи, завтра встану пораньше, на свежую голову все очень быстро доделаю, и у меня будет свободен весь день, — обещал он себе, и от этих разумных мыслей сон, конечно, мгновенно слетел, как рукой сняло. Сразу почувствовал себя неуместно, вызывающе бодрым. Это было очень приятно, немного досадно, потому что рушило планы, и одновременно смешно: ладно, был бы только характер упрямый, так нет же, весь организм целиком такой. Готов в любой момент учудить что угодно, лишь бы получилось некстати, невовремя, всем, включая себя самого — начиная с себя самого! — назло.

Пошел делать кофе, не потому что хотелось, а по традиции, для порядка — если уж все равно проснулся, давай тогда кофе пей. Нажал кнопку, машина деловито зафыркала, Эдо достал телефон, собирался проверить, нет ли там каких-нибудь пропущенных сообщений, но замер, глядя на дату: надо же, сегодня тридцатое ноября. Уже заканчивается, чуть больше получаса осталось до начала зимы. Получается, ровно год прошел с тех пор, как я... как бы домой типа считается, будто вернулся. Год. Всего-навсего уже целый год.

Это тоже было смешно. То есть, положи руку на сердце, не то чтобы действительно обхохочешься, но гораздо проще сформулировать: «мне смешно», — чем разбираться, какие именно чувства испытываешь. Разнообразные сложные чувства, скажем так. И самое сильное из них — изумление (приставка «о», корень «хрен»). За год оно не только не ослабло, но, пожалуй, стало даже сильнее. Невозможно привыкнуть к тому, какая крутая досталась судьба — не кому-то абстрактному, а лично тебе. К невероятной возможности жить в двух реальностях сразу, двумя жизнями, каждая из которых не осо-

бо похожа на полноценную жизнь, зато в сумме — именно то, что надо. Чокнуться можно. Ужас крошечный. Чистое счастье. Совершенно невыносимо. Всегда о чем-то таком мечтал, хотя, конечно, не мог представить, как оно будет на практике. И сколько прибавит седых волос.

Выпил кофе залпом, почти не чувствуя вкуса; оно и к лучшему, что не чувствуя, то еще удовольствие — этот горький картонный вкус. Раньше, когда жил в Берлине, считал кофе из машины чем-то вроде бодрящей пощечины и пил по утрам, чтобы быстро и бесповоротно проснуться. А теперь пил его потому, что невкусный машинный кофе оказался чем-то вроде моста между сегодняшним Эдо Лангом и тем, из Берлина, ничего о себе настоящим не знавшим, романтичным любителем путешествий, балбесом и работягой, восторженным скептиком с огромным сердцем и твердолобой упрямой башкой. На самом деле, он был отличный; то есть, это я, получается, весь, целиком отличный, — удивленно подумал Эдо. — То, что от тебя остается после того, как утратишь все, включая судьбу и память, и есть ты сам.

Мыл чашку так долго, так тщательно тер ее губкой, словно там только что был не кофе, а топленое масло; ясно, почему. Ради томительной, но благотворной паузы между пониманием, чего сейчас хочешь больше всего на свете, и готовностью согласиться, что именно этого в здравом (здесь нужен закадровый смех) уме хочешь именно ты. Наконец сказал себе: ладно, это дело и правда надо отметить — там, где... В общем, на том мосту.

Подумал: боже, как же лень переодеваться! С другой стороны, кто там ночью будет разглядывать, в каком я вышел свитере и штанах.

Остался в домашней одежде, только накинул теплую куртку, ту самую, которую купил год назад, когда прилетел сюда из Берлина. Здесь такие суровые ноябри, что

после них любая зима покажется чуть ли не солнечным маем. Вот и сейчас температура на улице формально выше нуля, но с таким ледяным ветрищем ощущается как лютый мороз. Обмотал шею домашним шарфом из шерсти ушайских коз, которая даже от морского зимнего ветра спасает. Впрочем, иногда здешний ветер и есть наш морской. Гуляет между мирами, что те контрабандисты, спасу от него нет, вот кого надо ловить Граничной полицией и штрафовать безжалостно за издевательство над ни в чем не повинными жителями Другой Стороны, — весело думал Эдо, запирая дверь старым латунным ключом. Посмотрел на экран телефона: десять минут до полуночи. Ровно год назад в это время я ворочался с боку на бок, усталый, продрогший после целого дня беготни, сбитый с толку, беспричинно счастливый. Еще не знал, что завтра вечером окажусь дома. И о том, что такое в моем случае «дома», я тогда тоже ничего не знал.

Шел к реке кратчайшим маршрутом, очень быстро, почти бежал. Не потому, что спешил, просто музыка в плеере подгоняла. Ни в одной из своих жизней не умел танцевать. Не сложилось, не выпало повода научиться; наверное зря, потому что ему всегда нравилось не просто слушать музыку, а ее слушаться, двигаться в заданном темпе и ритме, как она велит. Днем, когда на улицах полно народу, сдерживался, конечно, только слегка ускорял или замедлял шаг. Но ночью-то можно дать себе волю, прыгать, вертеться, бежать.

Вот и сейчас мчался вприпрыжку, причем иногда — вслепую, закрыв глаза. Это, на самом деле, редкое удовольствие — зажмурившись, нестись по совершенно пустой улице, время от времени бросать быстрый взгляд на дорогу, проверять, не отклонился ли от заранее намеченной траектории, не занесло ли куда-нибудь вбок, не появилось ли посреди тротуара какое-нибудь неже-

лательное препятствие, вносить необходимые коррективы и снова закрывать глаза. Через несколько минут такой прогулки окончательно перестаешь понимать, как работает твое зрение, что ты видишь, что ощущаешь каким-то тайным локатором, а что просто случайно угадываешь, где ты, кто ты, какого черта, что за дела. Это добровольное кратковременное непонимание каким-то образом уравнивало вынужденное фундаментальное, на которое он был обречен обстоятельствами: мне легко, я в игре, все — игра. Когда пытаешься объяснить, звучит не особенно убедительно, но пока не объясняешь, а просто чувствуешь то, что чувствуешь, ты играешь, тебе интересно, ты счастлив — чего же еще.

Обычно путь от дома к реке занимал минут двадцать пять, но сегодня плеер так удачно его подгонял, что всего за четверть часа добрался. Все равно не ровно в полночь, как ему втайне хотелось — непонятно зачем, просто так, потому что это красиво. «Потому что красиво» — самый убедительный аргумент. Но ладно, главное, не поленился, не остался дома, пришел, — думал Эдо, стоя на узком пешеходном мосту.

Стоять неподвижно и смотреть на текущую воду, не жмурясь, практически не моргая, сейчас, после прогулки почти вслепую, почти бегом, оказалось совершенно ошеломляющим переживанием. Трансцендентальная медитация, или что там еще на эту тему придумали. В общем, оно. Вода светилась, как будто на дне зажгли неяркие лампы, воздух тек, как сама река, во все стороны сразу, явственно подпрыгивая на каких-то незримых камнях, даже небо, казалось ему, раскачивалось, то приближалось на почти опасное расстояние, то становилось далеким, как в безоблачный летний день. Голова закружилась, и он обеими руками крепко вцепился в перила, словно мост был корабельной палубой и начинался шторм.

Впрочем, через пару минут его отпустило, небо остановилось, голова перестала кружиться, речная вода — мерцать, воздух — течь и подпрыгивать, а мост — ощутимо раскачиваться под ногами. В общем, все хорошо, что хорошо кончается, — умиротворенно заключил Эдо. И поспешно добавил: при условии, что оно кончается не навсегда.

Достал из внутреннего кармана флягу с домашней яблочной водкой; ну то есть дома, на Этой Стороне, напиток называют «яблочной водкой», хотя крепостью до здешней водки он не дотягивает. Но приятная штука с внятным яблочным ароматом, прозрачная, как водка — собственно, как вода. Ему нравилось пить на Другой Стороне напитки из дома, слушать здесь домашнюю музыку, курить домашние сигареты, даже еду оттуда иногда приносил с собой; ну, то есть как еду — пакет леденцов, печенье, то, что можно купить на бегу, в университетском буфете, сунуть в карман и забыть, а потом обнаружить, почти машинально сунуть в рот и целую секунду, а если повезет, то и две, искренне не понимать, где находишься. Потому что, пока грызешь какой-нибудь домашний сухарик, вдыхая воздух Другой Стороны, чувственные ощущения посылают тебе противоречивые сигналы, два совершенно разных, фундаментально несовместимых «ты здесь». Это, по идее, должно было сводить с ума, но его, наоборот, успокаивало. Единственный способ не только умом, но всем телом снова и снова, всякий раз как впервые узнавать правду о себе.

Вот и сейчас одного маленького глотка домашней яблочной водки оказалось достаточно, чтобы голова опять пошла кругом, так что свободной рукой снова вцепился в перила — самому смешно, а что делать, надо хоть за что-то держаться, когда ты сам себе сильнодействующий психоделик и не то чтобы собираешься пре-

кращать. Щедро плеснул водки в реку. Вильняле выпивку любит. Собственно, это было первое, что он об этой речке узнал, и с тех пор считал своим долгом напоить ее при всяком удобном случае. А сегодня так вообще специально за этим пришел.

Река, как всегда после угощения, зажурчала громче и даже, кажется, потекла быстрее. Хотя почему, собственно, «кажется»? Давно мог привыкнуть, так всегда происходит. Будь ты хоть трижды скептик, что в твоём положении так нелепо, что уже почти мило, глупо упорно не верить собственным глазам и ушам.

— Вот это вы сейчас доброе дело сделали, — одобрительно сказал знакомый голос не то прямо над самым ухом, не то вообще в голове. — Такое доброе, что застукай вас за ним шеф Граничной полиции, непременно бы каким-нибудь страшным штрафом оштрафовал.

— А чего штрафовать, если дело доброе? — флегматично спросил Эдо.

Прикидывался, конечно. На самом деле был рад этому голосу, как начинающий чернокнижник, с первой же попытки заполучивший стаю огнедышащих демонов в самую кривобокую из своих пентаграмм.

— Чтобы выразить уважение к масштабам вашего преступного деяния, — объяснил голос. — Стефан не штрафует за всякую ерунду. Только за выдающиеся прегрешения. Безответственно лить в наши местные водоемы напитки с изнанки, не задумываясь о возможных последствиях — самое то. При чем реке-то понравилось. Давно ее настолько довольной не видел. До сих пор, по-моему, никому в голову не приходило принести ей угощение с Этой Стороны. Даже мне. И это обидно. Обскакали вы меня!.. А почему вы не оборачиваетесь? Вряд ли мой лик ужасней, чем все то, что вы уже неоднократно видели раньше. Или опасаетесь, что под вашим пристальным взглядом я в воздухе растворюсь?

— Опасаюсь, — подтвердил Эдо. — Ликом вы меня не то чтобы часто балуете. А голоса в голове я не особо люблю.

— Голоса в голове я и сам не очень-то, — признался голос в голове. — Тоже когда-то от них пострадал. Но они, как потом оказалось, не нарочно меня изводили. Это просто период такой, говорят, неизбежный — когда стоишь на пороге между человеческим миром и миром духов, уже не здесь и еще не там. Совершенно невыносимо, потому что пути назад уже нет, но ты об этом пока не знаешь. И вообще ни черта не знаешь наверняка, кроме того, что вот теперь-то окончательно съехал с катушек, дальше так продолжаться не может, спасения нет. И при этом боишься, как еще никогда в жизни ничего не боялся, внезапно исцелиться от наваждений и прийти в бывшего бессмысленного себя. Короче, ужас кромешный. Но потом, конечно, периодически впадая в сентиментальность, вспоминаешь этот кошмар с необычайной нежностью, как прекрасные, интересные, я бы сказал, романтические времена.

— С сентиментальностью у меня уже прямо сейчас все в порядке, — усмехнулся Эдо. — Я сегодня только потому сюда и пришел, что вспомнил, как мы с вами на этом мосту отлично стояли и пили какую-то феерическую настойку. А тогда казалось — жуть и кошмар.

— Вот кстати о настойках, давайте вашу флягу сюда, если там что-то осталось, — решительно сказал голос, и его обладатель наконец-то вышел из темноты и встал рядом. С виду — человек человеком, только одет не по сезону, в какой-то легкомысленной разноцветной рубашке и светлых льняных штанах.

Взял флягу, сделал глоток, одобрительно хмыкнул:

— Не понимаю, почему ваши контрабандисты толпами к нам за выпивкой бегают. Лучше бы на продажу таскали. Уж насколько я избалован Тониными настойками,

а все равно хорошо. И главное, вовремя. Замерз, как собака. Только не говорите, что сам дурак. Я-то, может, и дурак, но летний наряд — не моя идея. Просто одежда сама меня выбирает гораздо чаще, чем ее выбираю я. И мои пути меня выбирают сами. И дела. Я, конечно, вношу свои коррективы, но, скажем так, с переменным успехом. Такой парадокс: чем больше можешь, тем меньше выбираешь, что именно в каждый конкретный момент будешь мочь. Из персоны превращаешься в происшествие; на самом деле, даже смешно. Впрочем, говорят, это тоже просто такой период. И тоже однажды пройдет.

— Да ладно вам, — сказал Эдо, отбирая у него флягу. — Не очень-то вы похожи на человека, за которого кто-то что-то будет решать. То есть вы вообще ни на какого человека не похожи, но на такого — меньше всего.

— Ну да, я в принципе вредный, — легко согласился тот. — Но сила, которая за меня все решает, тоже вредная. В этом смысле жизнь довольно справедливо устроена: твоя персональная магия всегда будет похожа на тебя самого. Думаете, я знаю, как и зачем оказался в полночь на берегу реки? То есть теперь-то как раз понятно, зачем: чтобы вам было с кем выпить. Я имею в виду, кроме реки. Все-таки людям нужны антропоморфные собутыльники; я, если что, только за. Но на вопрос «как» у меня все равно пока нет ответа. Я вообще-то просто к Тони зайти собирался. Причем совершенно точно в пальто. Что оказался не там, куда шел, это вполне нормально, давно привык. Но от своего пальто я такого вероломства не ожидал! Единственная разумная версия — был момент, когда мне захотелось в туман превратиться. Видимо, пальто тогда все-таки превратилось. А я передумал. Не стал.

— Разумная версия, — с удовольствием повторил Эдо.

— С учетом контекста — да. Это я вам говорю, как опытный... скажем так, мыслитель. Который каких только контекстов не научитывался на своем веку.

Эдо вздохнул — то ли сочувственно, то ли завистливо, этого не понял и сам. Отдал ему флягу, снял с шеи шарф и тоже отдал. Сказал:

— С учетом контекста, в смысле, погоды, я бы на вашем месте, лишившись пальто, сразу превратился в туман.

— Я бы сам на своем месте в него превратился. Да вообще все равно во что, лишь бы оно не умело мерзнуть. Но тогда вы бы остались без собутельника. А ваши интересы для меня превыше всего.

— Почему вдруг? — удивился Эдо. — С каких это пор?

— Честно? Понятия не имею, — рассмеялся тот. — Но думаю, просто потому, что я внезапно ощутил себя чудом. С каждым порой бывает, и вот на меня нашло. Вы учтите, это только звучит красиво, а на самом деле довольно неприятное ощущение, как будто в самой глубине твоего существа очень сильно чешется не пойми что. Я — чудо, мне срочно надо с кем-то случиться! А вы в этом смысле идеальная кандидатура, с вами постоянно случаются чудеса. Зря смеетесь; то есть вы смейтесь, если хотите, просто имейте в виду, что я серьезно сейчас говорю. В вас есть что-то вроде магнита, который их — нас — чудеса, короче, притягивает. Редкая штука, мало у кого найдется такой. Он не врожденный, конечно. И уж совершенно точно не зависит от того, здесь вы родились, или на Этой Стороне, или в какой-нибудь совсем невообразимой реальности. Мне кажется, этот магнит постепенно отрастает в течение жизни, но только у тех, кто живет так, что чудесам на это интересно смотреть.

— Тогда понятно, чего я всю жизнь так выпендриваюсь, — невольно улыбнулся Эдо. — Как будто не живу, а пишу роман с собой в главной роли. И заботит меня не благополучие центрального персонажа, а, мать его, нарратив.

— Тоже так жил, — кивнул гений места, кутаясь в шарф из шерсти ушайских коз, который в его руках